

«Под одним небом» (Коренблит – Кирсанов)

1. Цветок	– 1.31
2. Грибной дождь	– 1.56
3. Эти летние дожди	– 1.42
4. Работа в саду	– 1.21
5. Ремесло моё	– 1.48
6. Земной шар	– 2.17
7. Глядя в небо	– 1.04
8. Частушка	– 1.49
9. Горлица	– 2.48
10. Тучи	– 1.58
11. Опять	– 1.26
12. Пустой дом	– 1.35
13. Под одним небом	– 2.58
14. Осознание	– 1.23
15. Над нами	– 0.59
16. Осень	– 1.17
17. Северный ветер	– 1.55
18. Январь	– 1.41
19. Холод	– 1.52
20. Апрель	– 1.24
21. Карусель	– 1.38
22. Никударики	– 2.00
23. К вечеру	– 1.43
24. Про белого ворона	– 1.11
25. Возвращенье	– 1.45
26. Вот и всё	– 1.35
27. Осада атома	– 0.50
28. Тайна ядра	– 1.47
29. Боль болей	– 1.25
30. Жил-был я	– 3.41
<i>Общее время звучания – 52.19</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЦВЕТОК

О бьющихся на окнах бабочках
подумал я, что разобьются,
но долетят и сядут набожно
на голубую розу блюдца.

Стучит в стекло. Но отступается,
но как бы молит, чтоб открыли.
И глаз павлиний осыпается
с печальных, врубелевских крыльев.

Она уверена воистину
с таинственностью чисто женской,
что только там — цветок, единственный,
способный подарить блаженство.

Храня бесстрастие свое,
цветок печатный безучастен
к ее обманчивому счастью,
к блаженству ложному ее.

2. ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Зашумел сад, и грибной дождь застучал в лист,
вскоре стал мир, как Эдем, свеж и опять чист.

И глядит луч из седых туч в зеркала луж —
как растет ель, как жужжит шмель, как блестит уж.

О, грибной дождь, протяни вниз хрусталя нить,
все кусты ждут — дай ветвям жить, дай цветам пить.

Приложи к ним, световой луч, миллион линз,
загляни в грунт, в корешки трав, разгляди жизнь.

Загляни, луч, и в мою глубь, объясни — как
смыть с души пыль, напоить сушь, прояснить мрак?

Но прошел дождь, и ушел в лес гроыхать гром,
и, в слезах весь, из окна вдаль смотрит мой дом.

3. ЭТИ ЛЕТНИЕ ДОЖДИ

Эти летние дожди,
эти радуги и тучи, —
мне от них как будто лучше,
будто что-то впереди.

Будто будут острова,
необычные поездки,
на цветах — росы подвески,
вечно свежая трава.

Будто будет жизнь, как та,
где давно уже я не был, на душе,
как в синем небе
после ливня — чистота...

Но опомнись — рассуди,
как непрочны, как летучи
эти радуги и тучи,
эти летние дожди.

4. РАБОТА В САДУ

Речь — зимостойкая семья.
Я, в сущности, мичуринец.
Над стебельками слов — моя
упорная прищуренность.

Другим — подарки сентября,

грибарий леса осени;
а мне — гербарий словаря,
лес говора разрозненный.

То стужа ветку серебрит,
то душит слякоть дряблая.
Дичок привит, и вот — гибрид!
Моягода, мояблоня!

Сто га словами поросло,
И после года первого —
уже несет плодыни слов
счастливовое дерево.

5. РЕМЕСЛО МОЁ

Я год простоял в грозе
расшатанный, но не сломленный.
Рубанок, сверло, резец —
поэзия, ремесло мое!

Пила! На твоей струне
заржавели все зазубрины,
бездействовал инструмент
без мастера, в ящик убранный.

Слова, вы ушли в словарь,
На вас уже пыль трехслойная.
Рука еще так слаба —
поэзия, ремесло мое!

Невыстроенный чертог
как лес, разреженный рубкою,
желтеющий твой чертеж
забытою свернут трубкою.

Как гвозди размеров всех
рассыпаны краесловия.
Но как же ты тянешь в цех —
поэзия — ремесло мое!

К усталым тебя причли,
на койках бока отлежены,
но мысли уже пришли
с заказами неотложными.

Хоть пенсию пенсий дай —
Какая судьба тебе с ней?
Нет, алчет душа труда
Над будущей Песнью Песней!

Не так уже ночь мутна,
Как было всю жизнь условлено —
Буди меня в шесть утра, -

поэзия, ремесло мое!

6. ЗЕМНОЙ ШАР

Мой родной, мой земной,
мой кружащийся шар!
Солнце в жарких руках,
наклонясь, как гончар,

вертит влажную глину,
с любовью лепя,
округляя, лаская,
рождая тебя.

Керамической печью
космических бурь
обжигает бока
и наводит глазурь,

изливает в тебя
голубые моря,
и где надо — закат,
и где надо — заря.

И когда ты отделан
и весь обожжен,
солнце чудо свое
обмывает дождем

и отходит за воздух
и за облака
посмотреть на творение
издалека.

Ни отнять, ни прибавить —
такая краса!
До чего ж этот шар
гончару удался!

Он, руками лучей
сквозь туманы светя,
дарит нам свое чудо:
берет, мол, дитя!

Дорожи, не разбей:
на гончарном кругу
я удачи такой
повторить не смогу!

7. ГЛЯДЯ В НЕБО

Серый жесткий дирижабль
ночь на туче пролежалъ,
плыл корабль среди капель
и на север курс держалъ.

Гелий — легкая душа,
ты большая туча либо
сталь-пластинчатая рыба,
дирижабрами дыша.

Серый жесткий дирижабль,
где синица? где журавль?

Он плывет в большом дыму
разных зарев перержавленных,
кричит Золушка ему:
— Диризяблик! Дирижаворонок!

Он, забравшись в небовысь,
дирижаблоком повис.

8. ЧАСТУШКА

Нет, не то золото,
что звенит, как золото,
а вот то золото,
когда сердце — золото.

И не тот алмаз,
что лучист, как алмаз,
а кто чист, как алмаз,
мне милей, чем алмаз.

И не то дорого,
что ценой дорого, —
что душе дорого —
без цены дорого.

И не та красота, —
что лицом красота, —
красота — только та,
что во всем красота.

И не тот милый мой,
кто на час милый мой, —
кто на век милый мой,
тот и милый, и мой.

И не то хорошо,
Что себе хорошо, —
Только то хорошо,
Что для всех хорошо.

9. ГОРЛИЦА

Как из клетки горлица,
душенька-душа,
из высокой горницы
ты куда ушла?

Я брожу по городу
в грусти и слезах
о голубых, голубых,
голубых глазах.

С кем теперь неволишься?
Где, моя печаль,
распустила волосы
по белым плечам?

Хорошо ли без меня,
слову изменя?
Аль, моя любезная,
вольно без меня?

Волком неостреленным
рыщу наугад
по зеленым, зеленым,
зеленым лугам.

Посвистом и покриком
я тебя зову,
ни ау, ни отклика
на мое ау.

Я гребу на ялике
с кровью на руках,
на далеких, далеких,
далеких реках...

Ни письма, ни весточки,
ни — чего-нибудь!
Ни зеленой веточки:
де, не позабудь.

И я, повесив голову,
плачу по ночам
по голубым, голубым,
голубым очам.

10. ТУЧИ

Тучи идут, как гуляющие
небом, как южным бульваром:

облако
около
облака,

облако
с облаком
об руку,

облако

обнято
облаком,

небо заката пылающее
обдано розовым паром.

Как у людей, одинаково:
там, где уже полусвет, —
у одного одинокого
рядом и облачка нет...

11. ОПЯТЬ

Опять пуста скамья,
опять закат лиловат,
и перед всеми я
кругом-кругом виноват.

Опять пустует сад,
где осень ждет конца,
лишь два листка висят,
как высушенные сердца.

Одних — но так любил
и разобидел их,
одними — не понят был,
не понял сам — других.

А если — подход не тот?
И не велика вина?
Но жизнь — как этот вот
пустой стакан вина.

12. ПУСТОЙ ДОМ

О, пустой дом, —
страшно жить в нем,

где скулят двери,
как в степи звери,

где глядит стол
от тоски в пол,

где сошлись в угол
топи злых пугал...

О, пустой дом,
дом с двойным дном, —

о былом помнят
пустыри комнат —

смех, любовь, речь,
свечи, свет встреч...

Как белы стены!
Где ж на них тени

бывших нас — тех?
Где он скрыт, смех

или крик боли?
Под подом, что ли?

О, пустой дом,
ни души в нем,

пустота в доме,
никого, кроме

злых, пустых фраз,
неживых глаз,
двух чужих — нас.

13. ПОД ОДНИМ НЕБОМ

Под одним небом, на Земном Шаре мы с тобой жили,
где в лучах солнца облака плыли и дожди лили,

где стоял воздух — голубой, горный, в ледяных звездах,
где цвели ветви, где птенцы жили в травяных гнездах.

На Земном Шаре под одним небом мы с тобой были,
и, делясь хлебом, из одной чашки мы с тобой пили.

Помнишь день мрака, когда гул взрыва расколол счастье
чернотой трещин — жизнь на два мира, мир на две части?

И легла пропасть поперек дома, через стол с хлебом,
разделив стены, что росли рядом, грозovým небом...

Вот плывут рядом две больших глыбы, исходя паром,
а они были, да, одним домом, да, Земным Шаром...

Но на двух глыбах тоже жить можно и живут люди,
лишь во сне помня о Земном Шаре, о былом чуде, —

там в лучах солнца облака плыли и дожди лили,
под одним небом, на одном свете мы с тобой жили.

14. ОСОЗНАНИЕ

Хоть умирай от жажды,
хоть заклинай природу,
а не войдешь ты дважды
в одну и ту же воду.

И в ту любовь, которая
течет, как Млечный Путь,

нет, не смогу повторно я,
покуда жив, шагнуть...

А горизонт так смутен,
грозой чревататы годы...
Хоть вы бессмертны будьте,
рассветы, реки, воды!

15. НАД НАМИ

На паре крыл
(и мне бы! и мне бы!)
корабль отплыл
в открытое небо.

А тень видна
на рыжей равнине,
а крик винта —
как скрип журавлиный.

А в небе есть
и гавань, и флаги,
и штиль, и плеск,
и архипелаги.

Счастливым путь,
спокойного неба!
Когда-нибудь,
и мне бы, и мне бы!..

16. ОСЕНЬ

Лес окрылен,
Веером – клен.
Дело в том,
Что носится стон
В лесу густом
золотом...

Это – сентябрь,
вихри взвинтя,
бросился в дебрь, -
то злобен, то добр
лиственных домр
осенний тембр.

Ливня гульба
топит бульвар,
льет с крыш...
Ночная скамья,
и с зонтиком я –
летучаямышь.

Жду не дождусь...
Чей на дождю

след?..
Много скамей,
но милой моей
Нет!..

17. СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Подуло серым севером,
погнуло лес ветрами, —
прощайтесь, листья, с деревом,
прощайся, сад, с цветами!

Пришла пора прощания,
дождя и увяданья,
вокзальное, печальное
«прощай» без «до свиданья».

В траве, покрытой листьями,
всю истину узнавший,
цветет цветок единственный,
увянуть опоздавший.

Но ты увянешь все-таки,
поникший и белесый, —
все паутины сотканы,
запутались все осы...

Ты ж, паучок летающий,
циркач на тонком тросе, —
виси, вертись, пока еще
зимой не стала осень!

18. ЯНВАРЬ

Снега нет, стужи нет,
хуже нет таких зим.
Календарь искажен
январем дождевым.

Солнца зимнего нет —
синева с белизной,
нет и лыжных следов
на опушке лесной.

Нет метелей, и нет
снеговой тишины,
нет взаимных снежков,
мы и их лишены.

Жалко лет, жалко дней,
жалко долгой любви;
больно мне, трудно ей —
как душой ни криви!

Не приходит мороз,

нет слепящего дня,
чтобы он, как наркоз,
обезболил меня.

Где же он, где же он,
почему его нет,
запорошенных звезд
замороженный свет?

Все туман да туман,
без зари на заре...
О, жестокий обман —
теплый дождь в январе!

19. ХОЛОД

Начинался снегопад,
будто небо в набат
стало бить — стало быть,
начался снегопад.

Опускаться, как занавес
белого сна,
кисеи без конца
начала белизна,

и последний, единственный
градус тепла
превратился в оконную
пальму стекла...

Вот и боль заморозилась,
полдень настал,
сердце в гранях застыло,
как горный хрусталь,

и не чувствует больше!
Морозный, дневной,
стал зеркален и бел
этот мир ледяной.

О, холодное солнце
февральских небес,
ты теперь — лишь глаза
ослепляющий блеск;

ты бессильно царишь,
золотишь купола,
а на иней в окне
не хватает тепла.

Солнце молча стоит
далеко от земли,
а теперь и метели

весь мир замели.

20. АПРЕЛЬ

Наконец-то апрель,
наконец-то капель,
Наконец-то запел
хор весенних капелл;

наконец-то поплыл
по реке никуда
беспредметный рисунок
разбитого льда.

Громоздясь под железной
оградой моста,
он исчезнет, растает,
сотрется с листа,

растворится бесследно
в течение Оки,
станет слитной водою
спокойной реки.

Так и ты, моя боль,
грудой битого льда
оплываешь, уходишь
в свое никуда,

в половодье вливаешься,
в солнечный мир,
где плоты осмоленные
тянет буксир;

где размыто последнее
зеркальце льда,
где до нижней отметки
спадает вода...

21. КАРУСЕЛЬ

На коне крашеном я скачу бешено — карусель вертится.
А вокруг музыка, и, вертясь звездами, фейерверк светится.

О, Пруды Чистые, звездопад елочный, Рождество в городе.
Наклонись мордами, без конца кружатся скакуны гордые.

О, мой конь огненный, в голубых яблоках, с вороной гривой,
Конь с седлом кожаным, с мундштуком кованым, с гербовой гривной,

как мне вновь хочется обхватить шею ту и нестись в дальнюю
жизнь мою быструю, жизнь мою чистую, даль мою давнюю!

Что прошло — кончилось, но еще теплится одна мысль дерзкая:
может быть, где-нибудь все еще кружится карусель детская?

Да, в душе кружится, и, скрипя седлами, все летят кони те...
Но к какой пропасти, о, мои серые, вы меня гоните?

22. НИКУДАРИКИ

Время тянется и тянется,
люди смерти не хотят,
с тихим смехом: «Навсегдальица!»
никударики летят.

Не висят на ветке яблоки
яблонь нет, и веток нет,
нет ни Азии, ни Африки,
ни молекул, ни планет.

Нет ни солнышка, ни облака,
ни снежинок, ни травы,
ни холодного, ни теплого,
ни измены, ни любви.

Ни прямого, ни треугольного,
ни дыханья, ни лица,
ни квадратного, ни круглого,
ни начала, ни конца.

Никударики, куда же вы?
Мне за вами? В облака?
Усмехаются: — Пока живи,
пока есть еще «пока».

23. К ВЕЧЕРУ

Вторая половина жизни.
Мазнуло по вискам меня
миганием зеркальной призмы
идущего к закату дня.

А листья все красней, осенней,
и станут зеленеть едва ль,
и встали на ходули тени,
все дальше удлиняясь, вдаль.

Вторая половина жизни,
как короток твой к ночи путь, —
вот скоро и звезда повиснет,
чтоб перед темной блеснуть.

И гаснут в глубине пожара,
как толпы моих дней, тесны,
любимого Земного шара
дороги, облака и сны.

24. ПРО БЕЛОГО ВОРОНА

Гнездо разворовано,

зимним ветром сорвано,
вот и белым вороном
сделался из черного.

С ним никто не водится,
ни зятя, ни девери,
и он сидит, как водится,
на отдельном дереве.

Вылететь из бора бы,
опуститься в городе,
где толпятся голуби
белоснежногорлые.

Посредине дворика
ходит пава гордая,
да не примет горлинка
ворона за голубя...

Все переговорено,
все переворошено,
зваться белым вороном —
ничего хорошего.

25. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Серебром крыл
самолет плыл
в облаках белых.

Перед ним встал,
как обвал скал,
грозовой берег.

Как хребет Анд,
громоздил пар
сизых туч гребень,

и путем в ад
шел дневной шар
в смоляном небе.

Я забыл жизнь
на один миг
в тесноте кресел

и смотрел вниз
на земной мир
и сквозь гул грезил:

будто нет их —
ни винтов двух,
ни рядов окон,

а, крутя вихрь,
мчится злой дух
с огненным оком,

Будто я взят
в паровой ад,
в лабиринт круга

и уже мне
ни в каком сне
не видать луга,

где в лучах дня
ты — среди трав,
и с тобой ветер,

и с тобой — я
на земле, въявь,
при дневном свете!

Только гул гор,
смоляной мрак,
барабан града,

и пути нет
на дневной свет
из кругов ада...

Но уже шел
самолет вниз
в облаках низких,

был бетон гол,
небосвод сиз,
в дождевых брызгах.

Был мой дом пуст,
пылевой слой,
на замках двери...

Я сказал: — Пусть!
Этот мир мой,
я в него верю.

26. ВОТ И ВСЁ

Жизнь моя, ты прошла, ты прошла,
ты была не пуста, не пошла.

И сейчас еще ты, точно след,
след ракетно светящихся лет.

Но сейчас ты не путь, а пунктир
по дуге скоростного пути.

Самолет улетел, но светла
в синеве меловая петля.

Но она расплылась и плывет...
Вот и все, что оставил полет.

27. ОСАДА АТОМА

Как долго раздробляют атом'
Конца нет!
Как медлят с атомным распадом!
Как тянут!

Что вспыхнет? Вырвется. Коснется
глаз, стекол,
как динамит! как взрыв! как солнце!
Как? Сколько?

О, ядрышко мое земное,
соль жизни,
какою силою взрывною
ты брызнешь?

Быть может, это соль земного, —
вблизи губы, —
меня опять любовью новой
в жизнь влюбит!

28. ТАЙНА ЯДРА

Снова с древа познания
зла и добра
нами сорвано яблоко —
тайна ядра.

Снова огненный меч
у захлопнутых врат,
смерч и взвившийся столп,
серный ливень и град.

Снова надпись гласит:
«Возвращения нет...»
Рай за раем теряли мы
тысячи лет

и теряем, теряем
попавший под вихрь
этот мир, и себя,
и любимых своих.

Но и маленький глобус,
как плод, разломив,
мы не в силах поверить,
что кончится миф

о не знающей смерти,
о вечной земле
с синим небом и хлебом
на белом столе.

Было ж солнце как солнце,
луна как луна!
Ни плутонии, ни стронций
не трогали сна

новорожденных в яслях,
влюбленных в траве,
островов на реке,
облаков в синеве...

Разве мы не способны
всему вопреки
вырвать огненный меч
из грозящей руки?

Разве я и на боль
и на смерть не готов,
чтобы вырастить сад
из запретных плодов?

29. БОЛЬ БОЛЕЙ

Боль больше, чем бог,
бог — не любовь, а боль.
Боль, созидаящая боль
и воздвигающая боль на боль.
Боль болей — бог богов.
(Боль простит.)
(Боль подаст.)
(Боль — судья.)
Боль — божество божеств.
Ему, качаясь, болишься,
держась за болову,
шепча болитвы:
— Боже боли!
Или или лама савахфани?
(На кого ты оставил мя, Госпиталь?)

Да свершится боля Твоя.

30. ЖИЛ-БЫЛ Я

Жил-был — я.
(Стоит ли об этом?)
Шторм бил и мол.
(Молод был и мил...)
В порт плыл флот.
(С выигрышным билетом
жил-был я.)

Помнится, что жил.

Зной, дождь, гром.
(Мокрые бульвары...)
Ночь. Свет глаз.
(Локон у плеча...)
Шли всю ночь.
(Листья обрывали...)
«Мы», «ты», «я»
нежно лепеча.

Знал соль слез.
(Пустоту постели...)
Ночь без сна
(Сердце без тепла) —
гас как газ
город опустелый.
(Взгляд без глаз,
окна без стекла.)

Где ж тот снег?
(Как скользили лыжи!)
Где ж тот пляж?
(С золотым песком!)
Где тот лес?
(С шепотом — «поближе».)
Где тот дождь?
(«Вместе, босиком!»)

Встань. Сбрось сон.
(Не смотри, не надо...)
Сон не жизнь.
(Снилось и забыл.)
Сон как мох
в древних колоннадах.
(Жил-был я...)
Вспомнилось» что жил.